

Глава 9. О собаках и людях

CVII.

«Я не камень. Я не камень. Я не камень. Я не камень. Я не камень», – повторял и повторял Арк. Он обнаружил, что иногда, помимо его воли, его сознание словно тонет, погружается под толщу чего-то очень тяжелого и плотного, и каждый раз ему всё труднее и труднее выплыть наверх. Один раз это произошло во время очередного визита Доротеи. В одну секунду она пьяным голосом пересказывала ему какое-то внешнее событие, а в другую он «нырнул» – и когда пришел в себя, комната снова была темной и пустой. После этого Арк и завел себе мантру, всего из трех простых слов, и использовал ее как спасательный круг. «Я не камень. Я не камень. Я не камень». Быть камнем – это истощало его. В какой-то момент Арк понял, а точнее – решил, что его друзья могут не знать, что он еще жив. Если так, то и помощи от них ждать бессмысленно. На отчаяние сил уже не было, и Арк переварил это понимание относительно спокойно, продолжая держаться на глади этой вязкой жидкости своего сознания. Как он понимал, единственной его надеждой было какое-нибудь стечение обстоятельств, при котором некаменный Арк понадобится Виктору для одной из его интриг. К этому моменту нужно было быть готовым. Нужно было копить силы, а главное – сохранять живость рассудка и не тонуть. Не идти на дно. Не быть камнем. «Я не камень. Я не камень. Я не камень».

Доротея приходила несколько раз. Обычно она шаталась и несла чушь. Пару раз даже Арк уловил исходящий от молодой женщины запах алкоголя. Она вываливала на него свой поток сознания, состоящий вперемешку из последних новостей, ее мыслей по их поводу, а также личных обид и возмущений. В отличие от Виктора Доротея была бы посредственным игроком в покер. Из-за ее пьяных визитов Арк примерно представлял себе, как идут дела в Берлине. Он знал, что его друзья живы и бесят Доротею сверх меры. Он знал, что город меняется, но вот быстро или нет это происходит, он оценить не мог. Поэтому, хоть и иногда Доротея весьма откровенным образом трогала его и прижималась всем телом к особенно выступающим местам, что само по себе вызывало брезгливость или даже жалость, он всё равно был рад ее визитам, этим окнам в мир снаружи, как и чему угодно другому, приподнимающему его сознание из толщи Ничего. К примеру, он несколько раз слышал громкие шаги по коридору. Были также приглушенные голоса в соседней комнате. Единственное, чему способствовало превращение в камень, так это развитию аналитических способностей. В последнее время Арк работал над новым планом. Телепатия действовала только на коротких расстояниях и только между существами с сильной эмоциональной связью. Именно поэтому он мог так легко управлять Карманом. Но в одном из этих «только» Арк уверен не был. Он вспомнил, как в первую их встречу с Тараском,

давным-давно, на Данцигер-штрассе, Хозяин связался с ним телепатически и выдернул его из середины психической атаки. «Возможно, конечно, – рассуждал Арк, – у Хозяина в Башне был специальный артефакт. Но возможно и то, что барьер расстояния можно преодолеть». И Арк старался. Из всех сил посылал Лу телепатический сигнал – несколько раз, как он полагал, в день. С полной фокусировкой и отдачей. В остальное время он просто очень старался не быть камнем.

CVIII.

Со времени нападения на Александрплатц прошло пять месяцев. Резкая зима сменилась затяжной, ленивой весной, а ту в какой-то момент подвинуло настойчивое лето. Лед и промозглый ветер отошли на второй план, затем начался сезон дождей и безумного цветения, а потом подоспели жара и духота. Даже сейчас, после Смещения, несмотря на все потенциальные опасности, берлинцы предпочитали проводить солнечные летние дни на улице, в идеале – лежа на газоне. Аххил не до конца разделял это солнцепоклонничество, но смену сезонов ценил.

Он вышел из своей квартиры на Александрплатц, прошел мимо разрисованной, заплеванной и в паре мест обожженной телебашни. Жители Алекса не стеснялись выражать свои чувства. Как можно было ожидать после атаки Тараска, популярность Александра резко снизилась. На эмоциональном уровне это не могло не радовать Аххила. С рационально-аналитической же точки зрения игры обезумевших богов проще всего было рассматривать через го. И только сейчас стало понятно, какой сокрушающий удар нанесли условные «черные» по позициям «белых». После выборов одним из первых вопросов, который всерьез интересовал людей, был таким: «Во что переименовать Александрплатц?» Никто больше не желал жить под именем колдуна, который отвернулся ото всех в минуту опасности. Телебашня моментально превратилась из любимого символа в чужеродный, мозолящий глаза объект, бессмысленно торчащий посередине площади. Конечно, там всё еще продолжал жить один из самых могущественных людей в Берлине, и это было единственным, что оберегало телебашню от сноса.

Аххил миновал станцию Поезда, прошел рядом с народным мемориалом всем пострадавшим при атаке Тараска – вывороченным из земли, оплавленным и окаленным куском асфальта, на котором отчетливо виднелся отпечаток щупальца чудовища. Свернул налево у последнего ряда торговых палаток, потом направо, выйдя на широкую, разделенную трамвайными путями улицу. Жизнь на площади нормализовалась. Даже уродливое пятно, проеденное Рекой Гнили на месте эпической битвы, удалось убрать. Но иные шрамы заживают медленнее.

Пренцлауэр-Берг же расцветал и становился гораздо более населенным районом. Кирха превратилась в сердце берлинской полиции, и многие переехали поближе к

ней в поисках работы или безопасности. Собранная Лу и Пшигодой команда насчитывала уже пятьдесят семь человек, которые были раскиданы между центром и дополнительными отделениями в Моабите, Шарлоттенбурге, Фридрихсхайне и Кёпенике. Полицейские следили за порядком. Новые законы, многократно объявленные на весь Берлин и распространенные в письменном виде, запрещали обычные вещи – насилие, воровство, убийство. Количество происшествий пока что не успело снизиться заметным образом, но, по крайней мере, у людей появилась возможность просить защиты. Работы у полицейских поэтому было очень много.

Дополнительной обязанностью полиции Берлина стали организация и проведение безопасных и честных грядущих выборов. Общий план был такой: любой житель Берлина мог выдвинуть свою кандидатуру в Совет Одиннадцати, подав заявление в кирхе до третьего сентября. Имена кандидатов объявлялись все вместе, после чего начинался месяц предвыборных кампаний. В новый Совет Города проходили одиннадцать человек (или иных существ), набравшие больше всего голосов. Кроме того, из этих одиннадцати выбирались также Казначей и Глава Совета. Первый отвечал за производство единой берлинской валюты, которую называли ноймаркой, и за обеспечение ее стоимости. Вторым был единственным членом Совета, обладавшим правом вето. Эту должность решили ввести после долгих споров, для контроля над деятельностью Казначея, к которому так или иначе должно было стекаться всё добро Берлина. Никаким разделением властей тут пока что не пахло – Совет, помимо всего прочего, сохранял за собой функции Верховного суда. Помимо Совета были утверждены и гражданские суды, в них судьи избирались отдельно в каждом из одиннадцати округов. Их функцией было интерпретировать закон, судить распри между жителями города и надзирать над действиями полиции. В Моабите и Шарлоттенбурге эта система уже заработала. Тут же, как мыши в грязном белье, завелись адвокаты.

СIX.

Такая примитивная система позволяла проворачивать довольно серьезные махинации. Акхилу она не нравилась. Он ожидал увидеть в новом Совете Города всё тех же людей и существ, что и в старом – просто потому, что возможностей для манипуляции общественным сознанием у них было гораздо больше. Больше половины города подчинялось тому или иному колдуну, и весь этот цирк казался индусу тратой времени. Он втайне хотел, чтобы никакого Совета не было вообще. Но всякий раз, как Акхил об этом думал, то вспоминал бегущую на него массу людей, в панике, в безумии, и у него вновь появлялось такое знакомое сосущее чувство в животе... Ему было страшно.

Акхил прошел уже полдороги до кирхи. Они продолжали называть ее между собой именно так, а официальным названием теперь стало безликое «Полицейское

управление Берлина». Вместо креста на шпиле теперь висел яркий, мерцающий и днем, и ночью белый шар. Именно таким Лу решила сделать символ новой полиции. Полицейские значки, один из которых холодил сейчас карман Акхила, тоже были этой формы – гладкие, блестящие шары размером чуть меньше шарика для пинг-понга. Акхил вытачивал их колдовским образом из кирпичей кирпичи, затем кропотливо наносил на каждый вязь из рун, а сверху красил белой краской. Шары были и оружием, и защитой, и символом, а главное – одним из редких предметов связи на расстоянии. Это было источником особой гордости Акхила. Он полагал, что открыл первое проявление квантовой запутанности в макромире. Два одинаковых полицейских шара вытачивались из одного и того же кирпича. На них наносились одни и те же особые, разработанные Акхилом руны, в результате чего они начинали вести себя как один объект. Всё, что происходило с одним, происходило и со вторым. Акхил назвал это Вишну-эффектом, а сами шары – Вишну-камнями, в честь бога, известного своими аватарами. В результате в случае опасности любой полицейский мог зажечь свой шар ярким синим огнем – и его брат-близнец в кирхе тут же оповестит об этом других. А в случае смерти хозяина оба шара раскалывались на кусочки. Второй шар Акхила вместе с другими Вишну-камнями размещался на специально для этого сделанном стенде в кирхе, подписанный его именем.

Акхил дошел до места назначения – кирха возвышалась над ним, красная и слегка угрожающая. Место мозаики на входе теперь занимал символ полиции Берлина – белый флуоресцентный круг на черном фоне. Акхил вошел внутрь, поздоровался со встреченными знакомыми и сразу спустился в подвал, в свою лабораторию. Там уже трудились Шао и Торстен, два его помощника, оба очень сильные колдуны из Цоо. Шао, немолодая пухлая китайка, занималась тем, что в нормальном полицейском участке назвали бы судмедэкспертизой – поиском улик на местах преступления и телах жертв. Торстен, здоровенный, почти доходящий по габаритам до Пшигоды, всю жизнь проработал на заводах «Сименс» и был отличным инженером. Он помогал Акхилу собирать оружие и различные приспособления для полицейской работы. На данный момент они пытались повторить успех с «черным окном», которое дало им так много информации о взрыве Поезда. Лу решила, что такой инструмент может быть незаменимым в дальнейших расследованиях. Кроме того, в разработке было еще несколько более боевых проектов.

Подвал-лаборатория был темным, тихим и почти пустым. Но там были огромные возможности для интересной работы, и Акхил был готов провести в нем всю жизнь.

СХ.

Из зеркала на Лу смотрело немного чужое лицо. То есть лицо-то было ее, но в нем произошли неуловимые изменения, создающие странный общий эффект. Взгляд стал жестче, увереннее. В уголках вокруг глаз стали скапливаться морщинки, которых раньше не было. Волосы отросли и были стянуты в тугий узел. Начальник полицейского управления Берлина Лу Оспри вздохнула, кинула последний взгляд в зеркало, вышла из уборной и вернулась к работе. День обещал быть тяжелым. Вчера она провела полдня в спорах с разными членами Совета об одном из вопросов, который волновал ее больше всего. Вот уже несколько недель Лу вела агрессивную и точечную кампанию, направленную на принятие одного очень важного для нее закона. Закона о миньонах. Большинство колдунов, с которыми она говорила в последнее время, соглашались, что это не просто похоже на рабство, а рабство и есть – причем в своей самой базовой, самой страшной форме. С признанием этого проблем почти не было. Гораздо сложнее оказалось уговорить всех от этого добровольно отказаться. Для принятия закона о запрещении владения миньонами в Совете ей нужно было убедить еще шестерых. Из всех одиннадцати ее открыто поддержали только Скелет из Моабита и Куб из Гезундбруннена. На Лихтенхерцев рассчитывать не приходилось. Александр, как она предполагала, проголосует за закон, но с того памятного Совета в Трептов-парке его никто не видел. Остальные колебались: на словах уверяли ее, что они абсолютно против рабства, и, мол, как такое вообще возможно, но на деле заручиться их голосом она не могла. Их лицемерие выбивало ее из сил. Единственное, что она могла – подгонять всех, потому что этот вопрос необходимо было решить до выборов. И надеяться, что кучка всемогущих, избалованных и капризных колдунов посмотрят друг на друга и застесняются выглядеть плохо. Не так уж много.

Дома, когда Лу было пятнадцать или шестнадцать лет, они с друзьями часто собирались в местном баре и играли в пинбол – на старом, еще из 80-х, автомате. Стальной шарик летал по накрытому толстым слоем плексигласа корпусу, отражаясь от стенок и десятков штырьков и фигурок, набирая очки, залетал в раскрашенные жестяные воротца, только чтобы вылететь из них с удвоенной силой. Лу представляла себя таким шариком и чувствовала на себе каждый удар об стенку.

Слава богу, рядом был Пшигода. Он взял на себя почти всю повседневную полицейскую работу, нанимал персонал, выслушивал жалобы населения, расследовал дела, распределял ресурсы и торговался с Теофаном, представляющим Совет, за них и за новые полицейские участки. Первые месяцы для полиции были небезопасным временем – уже три белых шарика лежали в своих ящиках расколотые. Тела погибших полицейских покоились на кладбище рядом с могилой Арка. Имена их Ирджих сам выбивал на жестяных табличках и

вешал напротив шкафа с Вишну-камнями. Каждый день, проходя мимо них, Лу внимательно смотрела на шар номер два. Шар Пшигоды.

СХІ.

Помимо тысячи дел, которые он делал в открытую, у Пшигоды было еще одно, тайное дело. Его небольшая, но верная агентурная сеть, раскиданная по всему городу, собирала информацию о том, что может происходить в музее Боде. Кто-то дежурил в барах и борделях, пытаясь выловить Армина или Фарука. Кто-то старался разговорить немногих человекоголовых людей, заходивших на Музейный остров, в основном торговцев и почтальонов. Всё это тянулось невероятно долго, но Доротею Лихтенхерц нельзя было брать наскоком. Требовалось терпение, а терпеть Пшигода умел.

Он грузно сидел в кресле и постукивал карандашом по столу. В его сосискообразных пальцах тот казался тонким, как спица. В кабинете, кроме него, сидели Пилар, Ульрих, Акхил и Янек. Последний докладывал:

– В среду его опять видели в Кройцберге. Как обычно, «Под каблуком».

– Который уже раз? – спросил Пшигода.

– Третий за две недели. Пока нет никакой последовательности.

– Известно, что он там делает?

– А то же, что и все. Пользуется. Мадам Роза не отметила ничего из ряда вон выходящего.

– Все они одинаковы, – резюмировал Пшигода. – И всех в конце концов можно найти. Ульрих, нам нужно удвоить наблюдение за барами в Кройцберге, рядом с «Под каблуком» и дальше на север.

– Ясно, – Ульрих сделал пометку в маленьком блокноте. Он на глазах превращался из раздолбая в исполнительного сержанта.

– Действовать пока рано. Мы должны дать ему время расслабиться. Вжиться в рутину, – продолжил Пшигода. – А что-то про Армина есть?

Все покачали головами. Второго ученика Доротеи нигде не видели.

– Если Фарук продолжит, мы возьмем его на следующей неделе и как следует прижмем. Насколько готов Сачок?

– К четвергу мы постараемся закончить, – сказал Акхил. – Нам нужен будет кто-то могущественный для тестирования. Может быть, Лу...

– Нет, Лу пока не сможет нам помочь. Придется тестировать на Фаруке. Жаль будет, конечно, раскрывать эту карту так рано, но поймать его – это задача первой необходимости.

– Какой у нас шанс его расколоть? – спросила Пилар.

«И как далеко мы зайдем, чтобы это сделать?» – прочитал Пшигода в ее глазах.

– Не знаю, – честно ответил он на оба вопроса. – Но он – наш самый лучший шанс подойти поближе к Лихтенхерцам. Хундескопфы абсолютно неподкупны, а Доротея – единственная, у кого есть человеческие ученики.

– А что, если на них тоже Амулеты Верности? В какой-нибудь необычной форме? Разве смерть Фарука не станет полновесным объявлением войны? – заявил Ахил.

– Станет, – кивнул Пшигода. – Мы многим рискуем. Но давайте решать проблемы по мере их поступления.

– А что об этом думает Лу? – спросил Ульрих.

– Она слишком близко общается с сильными телепатами. Пока Совет не торопится рассказать нам, как защищаться от подобных атак. Поэтому пока что данный разговор не выходит за рамки этой комнаты.

СХІІ.

«Я не камень. Я не камень. Я всё еще не камень». С каждым днем Арку становилось всё сложнее себя в этом убеждать. План с телепатией дальнего действия явно не работал. Лу не отвечала. Потратив еще какое-то время на панику и убежденность, что про него все попросту забыли, Арк пришел к решению, что требуется смена концепции. Телепатия всё еще остается единственным возможным способом коммуникации с остальным миром. Но, пожалуй, следует попробовать на прочность второе условие телепатии – наличие стойкой эмоциональной связи. Возможно, Фарук или Армин, иногда проходящие по коридору, окажутся интересными собеседниками. Или даже можно будет связаться с Доротеей, помочь ей в разгар ее личностного кризиса. Может, Виктор придет, еще раз над ним посмеяться. Может, Царь-гриб из недр реки снова захочет потравить анекдоты. Может быть, даже какой-нибудь хундескопф не откажется побыть в роли Лэсси... «Лу, Лу, Арк опять свалился в колодец!» Арк чувствовал, что сходит с ума от скуки. «Хотя бы я не камень, – думал он, – камни сумасшедшими не бывают. Камни вообще никуда не ходят». Именно после этих размышлений свой следующий телепатический сеанс Арк сфокусировал не на даль, а на ширь. «Кто-нибудь! – мысленно возопил он. – Алло!» Ничего лучше придумать не получилось. Ответом ему была пустота. «Эй! Прием! Ау! – орал он что есть сил. – Помогите! Пожар!» Когда он окончательно выдохся, заработал легкую мигрень и еще один приступ паники, то перестал кричать и вернулся к убеждению себя в собственной некаменности. Именно тогда он в первый раз услышал это.

– Арк? – спросил кто-то. Это был не звук, а что-то похожее на слабое ментальное эхо.

«Наконец-то, безумие, – подумал Арк. – Может быть, у меня раздвоение личности? Может быть, наконец-то можно будет с кем-то поговорить?»

– Арк? – услышал он снова. – Это ты?

– Это я! – транслировал он, старательно подавляя, вбивая ногами в пол воспрявшее было чувство надежды. – Кто это?

– Это Юджин. Я тоже статуя.

Юджин тоже когда-то был учеником Нигоша. Вернее, не учеником, а... как Клаус и сам Арк. Когда они еще были с Нигошем, Арк не любил называть себя учеником. Суть их отношений с Хозяином была другой. Они были питомцами, выкормышами. Спасенными от ужаса Смещения. Юджин был первым из них, самым колдовски одаренным, самым знающим. По словам Хозяина, Юджин пропал за несколько дней до исчезновения самого Нигоша вместе с Башней. Теперь стало ясно, куда.

– Ты здесь с октября? – спросил Арк.

– Да. А что сейчас? Точнее, какой месяц был, когда ты окаменел?

Арк рассказал, а потом стал пересказывать события, происходившие до сих пор. Говорить с кем-то было прекрасно. Юджин реагировал. Он задавал вопросы. Арк не на сто процентов был уверен, что не галлюцинирует, но это было упоительно.

– Мне повезло, что ты стал орать во все стороны, – наконец сказал Юджин. – Я боюсь, что достаточно глубоко заснул. Например, всех ваших разговоров с Виктором и Доротеей я не слышал. Хотя стоял в той же комнате.

– А ты где вообще?

– Я в правом углу, если смотреть от двери. Ты мог не заметить меня, когда входил. Я сейчас, кажется, вижу твою вытянутую руку.

– Это хорошо, что мы в одной комнате. Можно будет что-нибудь придумать. А как ты здесь оказался?

– Нигош вел какие-то шашни с Доротеей. Мне кажется, они действительно копали под Виктора. Я думаю, Доротея ему платила или как-то иначе с ним договаривалась. Но Нигош не доверял ей на сто процентов. Мы с ним сделали колдовскую маскировку хундескопфа, и я перебрался на Музейный остров, чтобы следить за ней.

– Это здорово.

– Да, он был мастером на такие штуки. Маскировка была отличная, но, судя по всему, не для Доротеи. Она меня раскусила и превратила в камень.

– Ты что-то успел разведать?

– В смысле, что-то, что могло бы нам помочь выбраться? Нет. Я узнал, что Доротея спит с одним из своих учеников, кажется, с Фаруком. Информация средней полезности.

– Ясно. Слушай, ты знал Хозяина, наверное, лучше всех.

– Может быть, да.

– Как ты думаешь, где он?

Юджин задумался. Молчание длилось долго, и Арк испугался, что тот снова заснул.

– Ты знаешь, – сказал наконец Юджин, – мне как-то совершенно наплевать.

СХІІІ.

Пшигода кивнул, и полицейские пошли в атаку. В три часа ночи улица в Кройцберге уже была темной и пустой. Из небольшого бара в полуподвальном помещении выкарабкался Фарук. С трудом, крепко держась за перила, раскачиваясь из стороны в сторону. Трое полицейских в новой униформе – белые рубашки и брюки, черные пиджаки – направились к нему в открытую, а Пшигода и Янек в штатском стали обходить с боков. Фарук, даже с заторможенной алкоголем и наркотиками реакцией, всё еще был крайне опасен. Полицейские в форме вытянули вперед белые шары.

– Стоять! Ни с места! – громко сказал один из них.

Фарук ударил без предупреждения. Улица озарилась вспышками, зеленый огонь встретился с белым. Пшигода, не мешкая, накинул на Фарука Сачок.

Строго говоря, это был не сачок, а скорее что-то вроде платка с утяжеленными краями. Платок умел считывать колдовские выбросы и отправлять часть из них назад. Тот, кто оказался под ним и попытался колдовать, начинал испытывать страшную боль, пропорциональную мощи используемого заклинания.

Фарук закричал, замахал руками, попытался стянуть Сачок с головы. Полицейские окружили его и при помощи Вишну-камней полностью обездвигили. Это было филигранное задержание превосходящего по мощи противника.

Пшигода подошел, снял Сачок с задержанного. Тот был без сознания, из его носа и ушей текла кровь. «Первый тест прошел успешно», – чуть мстительно подумал Ирджих.

Фарука на дрезине отвезли в тюрьму. Пшигода с Пилар нашли буквально напротив кирхи развалины старой водонапорной башни на холме, а внутри самого холма – древнюю систему залов и тоннелей. Это было отличное место для содержания преступников – темное, глухое, дезориентирующее. Тюрьму срочно отремонтировали и привели в действующий вид. Ахил и его команда сразу стали разрабатывать удерживающие заклинания и руны, которые можно было бы нанести на стены. Отсюда через какое-то время родился и проект Сачка.

Фарука обыскали и отвели в одну из подготовленных камер. Стены пока отражали заклинания не полностью, и для верности на Фарука надели обычные наручники, крепко зафиксировав руки за спиной, и к тому же завязали глаза. «Всё это больше похоже не на работу современной полиции, а на подвал маньяка-насильника, – с сожалением подумал Пшигода. – Но ничего, потихоньку освоимся».

Фарук пришел в себя через пару часов, завертел головой, закричал.

– Мы тут, – сказал Пшигода и сразу почувствовал себя глупо. Это было не то начало, на которое он рассчитывал.

– Доротея об этом узнает, – грозно сказал Фарук. – И вы все сдохнете.

– Значит, еще не знает, – обрадовался Пшигода. – Значит, Амулета Верности на тебе всё-таки нет. Как насчет кооперации с нами?

Но Фарук понял, что сболтнул лишнего, и заткнулся. Только когда после длительной паузы Пшигода собрался уходить, он поднял голову и сказал:

– А как же адвокат?

– Мы только начали строить свободное демократическое общество, – ответил Пшигода. – Как видишь, некоторые вещи до сих пор не готовы.

И скрипнул тяжелой металлической дверью.

СXIV.

Мариноваться Фаруку пришлось недолго. Пшигода сам не ожидал, как быстро тот сломается. Через три дня темноты, неудобных наручников и весьма скудного питания Фарук позвал охранника и попросил поговорить с главным. Еще через день, для закрепления эффекта, Пшигода вошел к нему в камеру.

– Я готов стучать, – сказал Фарук угрюмо. – Но мне нужна защита.

– Это можно обсудить, – ответил Пшигода, подошел поближе и снял с заключенного повязку. – Чем ты хочешь поделиться?

– Ваш друг жив. Всё остальное – после того, как мы договоримся о моей безопасности.

Пшигода ликовал. Всё было не зря. Интуиция его не подвела. Непонятно, как, но малыш Мигель оказался прав. Для вида Ирджих кивнул, словно раздумывая над ответом. На самом деле он с помощником Акхила Торстеном обсуждал разные варианты этого последние пару дней.

– Мы готовы предоставить тебе постоянно заряженную грим-брошь. Кроме того, мы даем тебе квартиру и платим пенсию. Как жертве колдовского произвола.

– Где квартиру? – жадно спросил Фарук.

– Александрплатц, Пренцлауэр-Берг, Моабит, выбирай.

– Я хочу в Роцце.

Пшигода хмыкнул. Он вспомнил, как быстро пропал оттуда профессор фон Штейниц. Может быть, это и неплохой вариант.

– Это будет зависеть от того, что ты нам расскажешь.

– Еще я хочу настоящую колдовскую защиту. Маскировки недостаточно. Я хочу колючую фигию, которой вы заблокировали меня тогда, на улице.

– Твоя очередь, – сухо сказал Пшигода. Растущая наглость Фарука ему не нравилась.

– Как я сказал, ваш друг жив. Доротея добавила его в свою коллекцию. Превратила его в статую. Живой мрамор, конченное колдовство. Я его не знаю, но его можно повернуть, точно. Нас с Армином, когда брали в ученики, тоже окаменяли, недельки на две. Абзац просто. Всё видишь, всё чувствуешь, а двинуться не можешь.

Во рту у Пшигоды пересохло. «Бедный Арк, – подумал он, – как ему не везет...»

– Я могу сказать вам, где он стоит, и вы тогда сможете его как-нибудь спереть.

– О нет, – Пшигода чуть наклонился, и его лицо угрожающе нависло над Фаруком. Тот вспомнил слухи, ходившие о Пшигоде, и непроизвольно сглотнул. – Переть мы никого не будем. Мы его освободим, в ходе совершенно законной полицейской операции. И ареста. Расскажи мне про Доротею.

Фарук замялся. Было видно, что он взвешивает все за и против. Но отступить уже было поздно.

– В последнее время она... слегка не в себе. Она всегда была импульсивной, но сейчас... как будто чердаком потекла. Она постоянно шастает по Изнанкам. Места себе не находит. Постоянно в истерике, орет на нас. Гора наркоты. Это, кстати, одна из причин, по которой я тут с вами разоткровенничался. Вам бы никогда не скovyрнуть Доротею на пике.

– А сейчас, получается, шанс есть, – Пшигода задумался. – Значит, ты Сачок хочешь?

– Что?

– Колючую фигню.

– Да.

– А как насчет белого шара? Помоги нам взять Доротею, помоги изнутри – и тебя ждет отличная полицейская карьера. Не нужно будет прятаться, никаких грим-брошей. Получать будешь неплохо.

Фарук глубоко задумался. Страх в нем боролся с жадностью.

«Он так же легко предаст и нас, – подумал Пшигода. – Kugva, я прямо в реальном времени сейчас создаю коррупцию в полиции. Уверен ли я, что этого хочу?»

– Что нужно сделать? – спросил Фарук, и Пшигода принял решение.

– Для начала нужно поучаствовать в составлении плана. А потом сбежать из тюрьмы.

СХV.

– Но почему?! – спросил Арк. Они с Юджином, по ощущениям, спорили уже несколько часов, с длительными перерывами на подышать. Если бы Арк мог, он бы уже давно охрип. – Как можно быть таким неблагодарным?

– С чего вдруг я неблагодарный? – вскинулся Юджин.

– Разве он тебе не помог? Не спас от смерти? Не научил выживать? Не подобрал на улице, как потерянного щенка?

– Уф-ф, – Юджин, похоже, тоже начал уставать. – Это всё так. Но...

– Вот видишь!

– Но! Мы не собаки, Арк. Даже не хундескопфы. Мы люди. Люди, понимаешь? Никакое Смещение это не изменило. Конечно, Нигош помог мне. Спас от смерти,

допустим. И я ему благодарен. Я у него в долгу, до сих пор. Но это не значит, что я буду носить ему тапочки и газету. Благодарность не делает меня собакой.

– Ты не понимаешь! – Арк почти кричал, мысленно, конечно. Непонятно, почему, но эта тема крайне его будоражила, а до Юджина обсудить ее было не с кем. – У меня ничего не было. Хозяин дал мне всё.

– Не всё! В том-то и дело, Арк. Не всё. Прислушайся сам к себе. Ты зовешь кого-то Хозяином. Вы два взрослых человека...

– Он не человек, он сгусток мудрости, тьмы и мрака.

– Он человек, конечно. Просто выпендриваться любит, как и все эти колдуны. Он не такой могущественный и не такой умный, каким представляется, уж поверь, я-то знаю. Хитрый – да, коварный – да. Очень изобретательный. Но человек. Как я и ты.

– Я не... Ты просто не можешь понять.

– Я как раз понял. Вот скажи, Арк, ты сам скольким людям помог? Скольких людей спас от смерти?

Арк задумался. В его сознании промелькнули картинки с Александрплатц. Потом то, как они вчетвером боролись с мебельным драконом. Потом всё заполнило лицо Лу.

– Ну, нескольких, – растерянно сказал он.

– И сколько из них сейчас зовут тебя Хозяином?

– Ну... начальником...

– Не говори, что не видишь разницы. Нигош Черный действительно нам помог: Клаусу, тебе, мне. Спас нас от смерти и безумия. Дал каждому занятие, цель в жизни. Этого всего я не отрицаю. Но также он совершенно безмерно пользовался нами, как пешками, как ресурсами, в своих собственных корыстных целях. Как и все другие колдуны, повторяю. Он подавлял нашу самостоятельность, жертвовал нами ради ему одному известной цели, когда ему это было нужно. Ты знаешь, например, что до вас с Клаусом у него был еще один... питомец? Девушка по имени Клара. Она погибла в драке с миньонами Иммануила. И сразу после этого он подобрал тебя и начал обучать тому же самому. Ему было наплевать, Арк. А потом, когда я всё это обдумал как следует, когда решил с ним про это поговорить, когда попытался с ним спорить, он послал меня шпионить на Музейный остров. Думаешь, он не знал, что для меня это фактически самоубийство? А думаешь, я не знал?! Я знал – и всё равно пошел, потому что во мне были преданность, благодарность, чувство долга и вся эта чушь, которую ты мне тут выложил. Я думал, он мне поможет. Я думал, он меня спасет. И я бы тут умер, легко. Но всё-таки не умер. И у меня было время подумать еще.

– И что ты надумал?

– Нигош бросил меня, Арк. Как только я стал ему не нужным. Это было в чистом виде предательство. Мало того, я тебе сейчас неприятную вещь скажу. Он бросил и тебя тоже.

– Нет!

– А где он тогда, Арк? За последнее время ты несколько раз чуть не умер. Тебе грозили безумие и полное истощение. Он бросил тебя, и не сейчас, не когда ты попался Доротее, а уже давно. В тот самый момент, когда исчезла Башня, он использовал какой-то трюк, какой-то дешевый фокус и оставил тебя с твоей собачкой вдвоем отбиваться от толпы хундескопфов и миньонов. Как это еще назвать?

Юджин что-то еще возмущенно говорил, но Арк уже перестал его слушать. Что-то, долгое время не дававшее ему покоя, вдруг вылезло наружу. Он подумал о Нигоше, о его колдовстве, о себе, о том моменте, когда пропала Башня. О том, что сказала ему Доротея, и о том, что сейчас в сердцах выпалил ему Юджин. Обрывки информации, маленькие намеки наконец-то сложились в его голове в единый пазл.

Арк понял, где Нигош. Где Нигош прямо сейчас.

– Юджин, – перебил он поток сознания собеседника. – Нам нужно бежать отсюда.

– Это невозможно, – сказал Юджин, ничуть не смущенный сменой темы. – Я уже думал об этом. Даже если бы мы смогли распутать заклинание Доротей телепатически, один расколдовать другого, ни у одного из нас не хватит сил на целого человека.

– У меня в кармане куртки две взрывахи, – медленно, осмысливая детали сказанного, произнес Арк.

СХVI.

Дитрих не подвел. Он нашел план музея Боде. Масштаб был не крупным, и всё довольно схематично, но Фаруку этого было достаточно. Он склонился над ветхим буклетом, который раздавали туристам, чтобы те не заблудились в одинаковых залах. Разобравшись в рисунке, Фарук ткнул пальцем в одну из комнат на первом этаже. Комната была маленькой и не имела окон.

– Вот тут. Охраны специальной нету.

– Отлично, – сказал Пшигода. – Отправляйся с Ульрихом, завтра он организует тебе побег.

Отпустить Фарука, для достоверности, решили в момент перегона от тюрьмы на Александрплатц. Пшигода прикинул, что это не будет казаться слишком подозрительным – в конце концов, наверняка Александр лично приказал поймать такого ценного ученика колдуньи. Или, по крайней мере, это не будет казаться притянутым за уши для параноидального сознания Лихтенхерцев. Во время транзита Фарук поймет, что побег возможен, убьет трех полицейских и убежит.

Ахил с Торстеном и Шао сделали убедительные поддельные трупы. Фарука потеряют в Фолькспарке, он там затаится на пару часов. Он даже захватит трофеи – белые Вишну-камни, форму полицейского и взрывахи. Всё это он с триумфом доставит Доротее.

Пшигода же, со своей стороны, должен повернуть более деликатное дело. Пришла пора вскрывать карты. Он ждал, что Лу одобрит его план и обрадуется, но и немного надеялся, что ее политические амбиции всё-таки перевесят. Без нее же вся операция не имела смысла. Лу всё еще была самой большой доступной им силой, причем единственной, кто мог потягаться с Доротеей и пережить это. Очень этого не хотелось, но опять пришла очередь рисковать всем. И на этот раз всё казалось гораздо большим, чем когда-либо. Пшигода впервые в жизни испытывал неуверенность перед большой дракой. И причиной была Лу.

Он постучался к ней в кабинет, дождался ответа, вошел.

Лу сидела за большим заваленным бумагами столом и что-то писала.

– Чертовы бюрократы, – проворчала она, не поднимая головы. – Даже после апокалипсиса немцы не могут без документа.

– Нам нужен еще один, – заявил Ирджих.

Лу посмотрела на него.

– Арк?

Сердце Пшигоды болезненно сжалось. Проскользнула гадкая мыслишка пойти на попятную, всё отменить, всё вернуть обратно. «Слишком большой риск, – подумал он, – для нее... И для нас». Мысль прошла, и Пшигоде стало стыдно.

– Да, – сказал он. – Пора.

Щеки Лу порозовели, в глазах вспыхнула надежда.

– Наконец-то. Какой план?

– Мы штурмуем музей Боде. Нам нужно разрешение Совета, хотя бы большинства.

– Тут проблема. На нашей стороне только Скелет, Падишах, Куб, Сивилла и Ведьма.

– А Александр?

– С тех пор, как в последний раз подожгли телебашню, его никто не видел. Он вообще не выходит на связь.

– Kurva...

– погоди. Нам всё равно нужно будет разрешение кого-то с Музейного острова. Иначе нам не дадут зайти на остров, уничтожат прямо на мосту. Виктор и Доротеея отпадают...

– Клавдия?

– Знаешь, я попробую. Она... более нормальная из всех троих. Может быть, удастся ее убедить, что штурм оправдан. Какие у нас доказательства? И, что еще важнее, какие у нас шансы на успех?

– Мы перевербовали Фарука. Он оказывает нам полное содействие.

– Ух ты!

– Там не всё в порядке, у Доротеи. Крыса бежит с корабля.

– Это просто козырная крыса. Крыса пик.

Пшигода улыбнулся:

– Ты заходишь на мою территорию. Глупые шутки – это моя вотчина.

– Учусь у лучших. Мне кажется, у нас что-то есть. Когда мы шли против Иммануила, шансов было гораздо меньше. И теперь у нас есть армия.

– У нас есть ты. Думаешь, ты справишься с Доротеей?

– Не знаю. Она необычайно сильная колдунья, кроме того, она будет на своей территории. Нам нужен элемент неожиданности, тайное оружие. Как тогда, с Иммануилом. Это единственный шанс.

– Сачок работает. Она о нем пока не знает.

– Это прекрасно. Надо пробовать. За Арка.

– За Арка, – и Пшигода вышел из кабинета Лу, полный предчувствий и дурных мыслей.

СХVII.

Лу вздохнула и вступила на мост. Здание музея Пергамон, традиционно покрытое строительными лесами, казалось неприветливым, мрачным. С Лу, впрочем, ничего не случилось: она прошла по мосту, обогнула заколоченный главный вход и вошла в Пергамон через маленькую дверь с торца. Ее встретил невысокий хундескопф с головой спаниеля.

– Пожалуйста, госпожа Оспри. Леди Клавдия ждет.

Лу прошла по темным коридорам и вышла в большой зал, заставленный античными колоннами и постройками. Она когда-то была тут, до Смещения, друзья затащили ее посмотреть на древности. Ценности этих древностей и их просмотра понять она не могла. Сейчас же само понятие ценности перевернулось с ног на голову. Лу многое бы отдала, чтобы организовать такой зал где-нибудь в кирхе. Зал просто сочился колдовской энергией. Клавдия оказалась традиционалисткой – она не поменяла внешний вид древних каменюк, не сделала вообще никаких изменений в интерьере, только улучшила свет. И поставила сбоку удобный письменный стол с мягким креслом. «Слава богу, что не трон, – подумала Лу. – Слава богу, она не одна из этих».

Из-за стола навстречу ей вышла Клавдия Лихтенхерц. Внешне она отчетливо напоминала Доротею, хотя, конечно, была чуть ниже ростом, потяжелее и постарше. Длинные седеющие волосы были расчесаны, но распущены, из-за чего Клавдия неуловимо походила на Дамблдора из фильмов про Гарри Поттера, которые Лу смотрела в детстве.

– Лу Оспри, – сказала колдунья, – добро пожаловать. Я ждала этой встречи. Не возражаете, если я позову Отто и Франсуа?

«Это младший сын Клавдии и муж Доротеи, – смутно вспомнила Лу. – Оставшиеся, более слабые Лихтенхерцы. Зачем они ей, интересно? Она же и так может меня раздавить одним пальцем».

– Разумеется, не возражаю, – улыбнулась Лу.

Хундескопфы принесли еще несколько кресел, и в зал вошли два относительно молодых человека. Отто, сын Клавдии, не был похож внешне ни на нее, ни на Виктора: он был высокий блондин с длинными, до плеч, волосами. Франсуа – невысокий, чернявый, с мелкими кудряшками. Оба они не были сильными колдунами. Оба выглядели смущенными, как будто их застали врасплох за каким-то малопримечательным занятием.

– Садитесь, дети, – сказала Клавдия. Сама она вернулась за письменный стол.

Пока все вежливо кивали друг другу и рассаживались, царило неловкое молчание.

– Госпожа Оспри навестила нас, – продолжила колдунья после небольшой паузы, – чтобы попросить нашего разрешения для проведения боевой операции на Музейном острове.

Лу поежилась. По крайней мере, по телепатическим способностям Клавдия, пожалуй, не уступала Виктору. Защититься от нее в ее же доме не представлялось возможным.

– Операции против нашей дочери, сестры и жены, Доротеи.

При этих словах Клавдии Отто нахмурился, а Франсуа ощутимо вздрогнул.

«Не всё в порядке в доме Лихтенхерцев», – подумала Лу прежде, чем смогла себя остановить.

Клавдия улыбнулась, но только губами. Глаза ее оставались спокойными и холодными.

– Я не была довольна тем, как разрешился вопрос с Вильгельмом, – сказала она.

– У нас с Виктором... был ряд соглашений, но здесь, как мне показалось, он пересек черту. У всего есть последствия. Я дам вам возможность пройти на Музейный остров незамеченными для Доротеи и Виктора. Ему будет полезно убедиться в том, что он не всеведущ.

«За всем этим скрывается какая-то античная драма, – подумала Лу, – но дареному коню в зубы не смотрят. Лишь бы он не оказался троянским, как сказал бы Пшигода».

Лу видела фильм «Троя» и знала, о чём речь.

– Мне нужно быть уверенной, что это не ловушка, – сказала она. – Я не могу рисковать своими людьми.

– Дорогая, – произнесла Клавдия, – никаких гарантий нет и быть не может. Наши отношения будут строиться только на доверии. Это единственное человеческое свойство, которое Виктору недоступно.

Лу нахмурилась и промолчала.

Клавдия вздохнула.

– На данный момент у тебя есть шанс. Шанс всегда сопряжен с риском. Я не могу ничем подтвердить это в данный момент, но если вы в ближайшее время придете на остров, чтобы арестовать Доротею за ее темные делишки с Виктором или за то, что она любит превращать людей в камень, вы пройдете защиту беспрепятственно. Виктор об этом не узнает. Это и есть ваш шанс. Он существует потому, что в данный момент моя мотивация совпадает с вашей. Я очень хочу убрать Доротею из Совета Одиннадцати и посадить на ее место Отто. Это всё, что я могу тебе предложить на данный момент. Это станет неверным в первую секунду, как только ты встретишься с Виктором. Кроме того, это может стать неверным в любой другой момент, если изменится политическая обстановка. Поэтому вам нужно действовать быстро.

– Я подумаю, – Лу встала с кресла. – Спасибо за эту встречу.

За ее спиной невесть откуда возник хундескопф-спаниель, поклонился и повел ее к выходу.

– Лу! – крикнула Клавдия, когда та уже почти вышла из зала.

Лу остановилась.

– В политике ничего важного не происходит без доверия.

Лу кивнула и вышла.

СХVIII.

Тем же вечером Вишну-камень в кармане Фарука потеплел. Это был сигнал. Фарук дождался трех часов ночи, унял дрожь в коленях и пошел гулять по большому пустому зданию музея. На счастье, Доротеи нигде не было, и он мог выполнить свою часть плана беспрепятственно. Штурм музея основывался на уже проведенном однажды ограблении: два взрывных устройства, снаружи и внутри, запускались почти одновременно. Наружное ослабляло стену и сопутствующую колдовскую защиту, внутреннее ломало ее, позволяя штурмующим проникнуть внутрь. На этот раз минировать нужно было все три стороны треугольного здания, для устрашения и отвлечения внимания. Но для начала он должен был сделать еще кое-что, в плане не оговоренное.

У Фарука был большой опыт предательства, и он знал, что основополагающей частью этого древнего искусства являются отведение подозрений и поиск козла отпущения. На этот раз он с большим удовольствием назначил в козлы Армина. Он никогда не любил этого маленького верткого крысеныша, а особенно презирать его начал недавно, когда тот стал любимым учеником Доротеи. И, как подозревал Фарук, очередным любовником, на смену ему самому. А это означало, что пришла пора сваливать, потому что больше всего великая колдунья не любила, когда под

ногами у нее путались напоминания о прошлом. А это означало, что его ждет отличная полицейская карьера.

Фарук улыбнулся, неслышно открывая дверь в комнату Армина. Он любил свою собственную холодную и резкую логику, неоспоримую, как лезвие ножа.

Наклонившись над посапывающим Армином, он одним резким движением перерезал ему горло. Фаруку всегда нравился этот момент, когда в предсмертном булькании соединяются страх, боль и искреннее удивление. Фарук вообще ценил искренность. Она была одним из его самых важных орудий.

Когда Армин затих, Фарук сжег ему голову зеленым огнем, чтобы скрыть перерезанное горло. Его новые работодатели наверняка будут в этом вопросе щепетильными. Лучше представить всё как результат честной колдовской дуэли. А еще лучше самому прийти и во всем признаться. Искренность – это очень ценно. Далее Фарук подложил Армину в шкаф несколько взрывов – на случай, если полицейские всё-таки облажаются и Доротея будет искать виновного. А потом пошел минировать здание, в котором прожил более четырех лет. Первая мина была установлена на южной стене, ближе всего к комнатке с живыми статуями. Фарук на секунду заглянул в эту комнатку и убедился, что Арк стоит на месте. Было бы, конечно, здорово первым освободить его, снять с него заклинание окаменения и таким образом приобрести верного друга среди начальства. Но Пшигода был непреклонен: Фарук должен ждать их у дыры в северной стене. Спорить с Пшигодой не следовало: Пшигода заслужил уважение Фарука, когда без либеральных условностей бросил его в тюрьму на несколько дней. Это было неожиданно и круто: с таким начальником Фарук хотел поработать. До поры до времени, конечно.

Он заминировал восточную стену, обошел здание по длинным заставленным статуями коридорам, установил взрывчатку на северную стену. Отошел в соседнюю комнатку, достал Вишну-камень. Еще один сюрприз полиции. Великие колдуны при всей их мощи не смогли придумать такой простой фокус. Еще один признак того, что он делает правильный выбор. Работа в полиции пойдет ему на пользу. Свежий воздух, общение с людьми. И власть – над городом, а не над псарней. Он сжал Вишну-камень в ладони, и камень потеплел, а потом быстро остыл. Фарук стал ждать. Минут через пять камень потеплел еще раз. Это значит, что его сигнал принят и люди Пшигоды уже на позиции, спускаются на веревках к условленным точкам на стенах, устанавливая взрывчатку. Фарук досчитал до трехсот, и со всех сторон здания послышались взрывы. Фарук в ответ активировал свои взрывы. Внешняя стена рядом с ним дрогнула и просела, образовалось отверстие, и через него в здание шустрой вереницей потекли полицейские. Они были в какой-то новой, красивой черной защите, с надписью **Polizei** на груди. Фаруку очень захотелось такую же.

Последним в проделанную дыру заскочил Пшигода, поманил Фарука в сторону.

– Отличная работа, – сказал он.

– Рад стараться, шеф, – искренне улыбнулся Фарук. – Буду счастлив работать под вашим руководством.

– Да, кстати, об этом. Я тебе кое-что принес.

Пшигода сунул левую руку в карман. Фарук уставился на нее в предвкушении чего-то нового и интересного, поэтому не сразу заметил револьвер, появившийся в правой руке чеха. Не говоря ни слова, Пшигода выстрелил Фаруку в лицо. Звук выстрела побился о толстые стены и слился с другими звуками этой ночи.

СХІХ.

Лу-оспри кругами летала над музеем Боде. Ее задачей было засечь появление Доротей и защитить своих людей. Даже ночью она явственно видела, как в стенах здания с громкими двойными хлопками открываются пробои, как в них на веревках залезают команды полицейских. Внутри сразу слышались крики, выстрелы. В окнах здания мелькали всполохи молний. На северной стороне последний из штурмующих, крупная фигура в темном балахоне, поднял голову, поискав взглядом Лу. Она хотела ему что-то сказать, послать успокоительную мысль, но он был очень далеко и вскоре исчез внутри. Лу почувствовала, буквально физически ощутила, как собакоголовые защитники музея яростно оказывают сопротивление. Молнии и пули останавливались защитой Вишну-камней, которые были связаны с кирхой, а та, в свою очередь, неразрывно связана с Лу. Два белых шара подряд – один, потом второй – не справились с защитой, треснули под напором вражеских заклинаний. Лу крикнула, не по-человечески, по-птичьи, горько, громко, скорбя по погибшим, изо всех сил желая помочь. Но рано. Нужно ждать.

Лу охотилась, а охота требует терпения.

Наконец на южной стороне здания открылся портал, и в музее появилось нечто гораздо опаснее обычного хундескопфа. Лу спикировала, плавно влетела в отверстие в стене, серокрылой молнией пронеслась по коридору, очутилась в небольшом зале и успела отбить первое пущенное хозяйкой заклинание. Сама Доротей – растрепанная, взвинченная, окруженная толстой коркой колдовской защиты – заметила Лу и пустила в нее вторую молнию, переливающуюся ядовито-зеленым. Взмахом руки Доротей отшвырнула к стене зала полдюжины полицейских во главе с Пилар, которая пыталась набросить на нее Сачок. Лу сделала вираж под потолком, и пущенный в нее заряд оплавил и развел верхнюю часть стены. Всё здание музея содрогнулось от страшного грохота. Пилар стала срочно уводить людей, а Лу хаотично заметалась под потолком, отвлекая внимание разъяренной колдуньи.

– Что вы себе вообразили?! – орала та, выпуская один заряд за другим. – Я член Совета!

– Доротея Лихтенхерц! – крикнула Пилар из-за прикрытия дверного проема. – Прекратите сопротивление! У нас есть разрешение Совета на ваш арест!

Это раззадорило Доротею еще больше, но на лице ее на секунду отразились изумление и паника. Она швырнула в Пилар боевым заклинанием колоссальной мощи, которое распылило дверной косяк, расширило проем вдвое и пустило сеть трещин по соседним стенам. Пилар, которая после своего объявления благоразумно отбежала подальше, опрокинуло взрывной волной и протащило по полу. Лу сделала еще один впечатляющий разворот в воздухе и когтистой птичьей лапой швырнула свое заклинание в Доротею. Это был вариант стандартного заклинания-тазера, но хитрый, перекрученный, умеющий впитываться в колдовские защиты, как вода в песок. Доротея скинула его движением оголенных плеч, метнула зеленую молнию в ответ. Лу опять увернулась – всё-таки рефлекс хищной птицы во много раз превышали человеческие, – и заряд пробил еще одну ощутимую дыру в потолке. Лу поняла, что сейчас произойдет, на миллисекунду раньше, чем Доротея. Юркнула в образовавшееся отверстие, взлетела как можно выше и успела увидеть, как потолок первого этажа заканчивает свое падение, разбрызгивая камень, поднимая облака мутной, душной пыли. Доротея оказалась погребена под тоннами гранита и мрамора. Следом рухнули несколько прилегающих стен – и Лу с болью почувствовала смерть еще одного полицейского. Остальные вовремя отбежали.

Лу уселась на край обвалившегося потолка и превратилась в человека. Отряд во главе с Пилар осторожно подбирался к груде камней. В развалинах виднелись обломки статуй, куски паркетной плитки, какая-то старинная мебель. Сверху ярким пятном торчал фиолетовый край шарфа Доротеи. Всё это напоминало руины империи.

«Надеюсь, Арк в соседней комнате не пострадал, – подумала Лу. – Вроде бы трещины в потолке дотуда не дошли».

И вдруг груда камней разлетелась во все стороны, калеча и раскидывая ближайших полицейских.

СХХ.

Пшигода и его отряд ворвались в комнату сплоченным кулаком, отбивая куски гранита. До сих пор всё шло по плану: они пробивались через защиту хундескопфов без потерь и слились с отрядом Ульриха с востока здания. Доротея предстала перед ними во всей своей злой мощи.

«Она всё-таки в чём-то прекрасна», – подумал Пшигода, глядя, как из пыли и каменной крошки медленно поднимается фигура, пылающая от колдовской силы, висит посередине комнаты, готовясь, накапливая мощь для ответного удара. Одежда на Доротее превратилась в живописные лохмотья, макияж смешался с пылью, образуя серое месиво вместо лица, из которого сапфирами пылали глаза.

«Даже в этой ситуации она привлекательна», – признал Пшигода и метнул Сачок. Ульрих кинул свой сразу за ним.

Попали оба. Две серые мелкозернистые вуали накрыли лицо Доротеи в тот самый момент, когда она была готова исторгнуть из себя какое-то ужасающее заклинание. Хозяйка музея Бодэ на миг застыла, а потом закричала, страшно, больно, невероятно громко, выпуская через крик накопленные силы. У стоящих к ней ближе всего разорвало барабанные перепонки. Кто-то повалился на пол. Доротея орала, словно ее разъедало изнутри.

Лу ловко спрыгнула со второго этажа, без труда приземлилась почти в самом эпицентре крика и со всех ног побежала мимо всей мизансцены в соседнюю комнату – туда, где, согласно донесениям Фарука, должен был стоять Арк. Вспомнив Фарука, Пшигода почувствовал укол совести, но тут же затолкал его обратно, поглубже в сознание. Потому что кричать Доротея перестала.

Пшигоду подвело чутье. Он с облегчением решил, что колдунья просто вырубилась от боли, и сделал два осторожных шага по направлению к ней. Мелькнула вспышка, и что-то хлестнуло его по лицу. Это оказалась невзрачная серая тряпка. Кусок Сачка. А потом он встретился глазами с Доротеей.

Вся ее былая привлекательность испарилась. Кровь текла из ушей, глаз, носа, рта, смешивалась с пылью, покрывала лицо гротескной бурой маской. Пшигода выстрелил прямо в это лицо – один раз, два, три. Третий выстрел прошел мимо колдуньи, потому что непреодолимая сила швырнула его в дальнюю стену. Он отчетливо услышал хруст собственных ломающихся костей. Потом пришла боль. Пшигода осел на пол. Его дыхание стало хриплым и прерывистым.

Доротея повернулась, искала глазами Лу.

– Нет! – крикнула она и снесла стену, за которую убежала та. Две статуи из четырех, стоящих по углам маленькой комнаты, разлетелись вдребезги. Рядом с двумя другими стояла Лу и, быстро перебирая пальцами, пыталась развеять сложное трансформационное заклинание, превращающее плоть, одежду и вообще любую материю в камень.

– Лу! – просипел Пшигода из последних сил и потерял сознание.

СХХІ.

Лу услышала Пшигоду и прервалась вовремя, чтобы увидеть опасность. Она махнула рукой, и зеленая молния прошла сквозь нее, чуть оплавив статую неизвестного человека слева.

– Лу, – услышала, а точнее – телепатически почувствовала она слова Арка. – Тебе нужно поменяться с ней местами.

Ни тени сомнения. Абсолютное доверие партнеру. Как раньше. Лу прыгнула, в воздухе превратилась в скопу и впиалась когтями в лицо Доротеи. Защита той была настроена в основном против пуль, молний и боевых заклинаний, а не против

трехкилограммового комка когтей и перьев. Колдунья замахала руками, с ее тонких окровавленных пальцев стали срывать разноцветные искры. Лу облетела вокруг ее головы и продолжила атаку, заставляя Доротею отступить на свое прежнее место, между двух уцелевших статуй. Быстрее, пока колдунья не спохватилась, пока не прошел шок. Птица страшно, хищно кричала. Лу царапала, кусала, вырывала у Доротеи клочки волос. В глазах колдуньи под страшной засохшей кровавой коркой появился ужас. Она отступила на шаг, другой...

– Назад! – грохнула в голове Лу мысленная команда Арка.

Она отлетела, превратилась в человека и еще раз направила на дезориентированную Доротею замораживающее заклинание. К ней присоединились Пилар, Ульрих и дюжина остававшихся на ногах полицейских. Белые полосы лучей сливались в мерцающий пучок. Доротея немного пришла в себя, снова сфокусировалась на своей защите, не позволяя этому командному залпу взять верх, проникнуть под ее кожу, холодной свежей струей пробежаться по ее венам, остудить и заморозить боль и усталость... Она стряхивала с себя заклинание, но поток не утихал. Ее движения становились всё менее резкими. Лу видела, как колдунья слабеет, как дрожат ее веки. «Еще немного, – думала Лу, – еще совсем чуть-чуть. Мы уже почти там».

Но Доротея оказалась слишком сильна. Она воспряла, подняла руки и мощной телекинетической волной разбросала нападающих в стороны. На ногах устояли только Лу и Пилар. Доротея победно вскинула голову. Лу моментально стала возводить собственные многослойные защиты, понимая, что сейчас они с Пилар находятся в самом эпицентре силы колдуньи, что даже если она, Лу, увернется от следующего удара, неизбежно пострадают ее люди. Но и защиты может не хватить. Ничего может не хватить.

Краем глаза Лу заметила, как к левой ноге хозяйки музея Боду подкатился, словно сам по себе, круглый камень, ткнулся в ее ногу, как верная собачонка, и застыл.

– Ложись! – мысленно заорал Арк.

СХХII.

На протяжении всей битвы, о которой они поначалу только догадывались и только в самом конце могли наблюдать ее воочию, Арк и Юджин занимались лишь одним делом. Они последовательно и кропотливо расколдовывали карман Арка, в котором лежали взрывахи. Арку приходило в голову дурацкое сравнение с игровым автоматом, которые раньше стояли во всех торговых центрах. Управляя при помощи джойстика неуклюжим, непослушным манипулятором, требовалось поднять из груды мягких игрушек одну, пронести ее, не роняя, на некоторое расстояние за определенное время, а потом выпустить точно над отверстием. Сейчас они занимались примерно тем же, разве что задача Арка и Юджина была сложнее – как если бы манипулятор активно сопротивлялся управлению, а

джойстик можно было двигать, только находясь в другом конце комнаты. Тем не менее действие заклинания потихоньку, нехотя ослабевало. «Я не камень, – мысленно твердил Арк, – и мой карман не камень». Сначала карман вместе с его содержимым поменял цвет с бетонно-серого на болотно-зеленый. Потом его текстура всё меньше стала напоминать камень и всё больше – брезентообразную ткань. Внутри кармана прошел воздух, взрывахи отклеились друг от друга и превратились в два отдельных объекта.

На этом мучения Арка и Юджина не закончились. Оказалось, что левитировать предметы силой мысли, если ты статуя и никогда прежде такое не делал, очень тяжело. Поначалу Арк с Юджином пытались поднять одну из взрывах, вытянуть ее из кармана и перенести в зону боевых действий. От этой идеи пришлось отказаться, потому что взрываха зависала где-то посередине кармана и дальше двигаться не желала, несмотря на весь пролитый мраморный пот. К этому моменту в комнату вбежала Лу и принялась распутывать заклинание на Арке. Но не успела – Доротея вбежала сюда вслед за ней.

– Расплетай нитки на заплатке, – сказал Арк Юджину.

Его куртка была уже много раз порвана и залатана, и карман с взрывахами украшала крупная заплатка. Юджин моментально стал дергать за нитки. Арк сказал Лу, чтобы она поменялась с Доротеей местами, и присоединился к Юджину, благодаря всех богов за дрянные самопальные стежки.

Заплатка отлетела от кармана как раз в тот момент, когда Лу достигла своей цели и заставила Доротею отступить в пространство между двумя статуями.

– Назад! – телепатически скомандовал Арк Лу, и они с Юджином совместными усилиями вытолкали взрываху из кармана. Она с тихим стуком упала на землю и покатилась. Арк силой мысли затормозил ее, и они вдвоем стали подкатывать ее ближе к застывшей в напряженной битве колдунье. Осложнялось это тем, что никто из них не видел пола. «Бильярд вслепую» всё-таки завершился успешно, и Арк мысленно крикнул:

– Ложись!

– Стой! – мысленно сказал Юджин. – Это довольно крупная взрываха.

– И что?

– Живой мрамор – весьма ломкий. Мы, скорее всего, не выживем. Прощай, Арк.

Арк на секунду представил себе комнату. Доротею на пике накопленной энергии. Бомбу у ее ноги. Лу, Пшигоду, Пилар, пришедших его спасать.

– Прощай, Юджин.

И грянул взрыв.

Доротею, копившую силы для финального удара и не ожидающую атаки снизу, резко подкинуло в воздух. Ее защита остановила огонь, но не взрывную волну. Она ударилась о потолок и изломанной гротескной куклой упала на пол. Ее смертельные заклинания рассосались. Хозяйка музея Бодэ лежала без сознания.

Полицейские по большей части уже лежали на полу, и взрыв их почти не задел. Кроме того, они находились довольно далеко. Пилар и Лу также уцелели благодаря защите и расстоянию, хотя их одежда и задымилась, а в волосах запутались тлеющие угольки.

Арка спасла Лу. В последний момент она перекинула немалую часть защиты на него, экранируя и от взрыва, и от ударной волны. Арк лишь покачнулся, упал на лицо, впервые за много месяцев увидев черно-белую плитку, и остался лежать в нелепой позе, как и полагается статуе.

Пока Пилар и все остальные пеленали Доротею сковывающими и парализующими заклинаниями, Лу всё-таки оживила Арка. Он поднялся, чувствуя необычайную свежесть и живость в мышцах, словно не простоял столбом всё это время. Обернувшись, он увидел, что Юджин разлетелся на куски.

СХХIII.

Арк наклонился, чтобы рассмотреть обломки друга. Голова Юджина откатилась далеко в сторону. Арк нашел ее, поднял, заглянул в мраморные глаза.

– Положи на место, – сказал Юджин. – Мне нехорошо.

Арк обернулся, но никто, кроме него, этого не заметил. Юджин, как и раньше, общался телепатически.

– Арк, – обратилась к другу Лу. Она выглядела усталой и озабоченной. – Пшигода... Ему... совсем плохо. Я отвезу его и других раненых к Оксане. Пилар и еще пара человек должны доставить Доротею в тюрьму, а Ульрих и десяток полицейских останутся здесь, для охраны... Как ты себя чувствуешь? Может, в госпиталь?

«Полицейские? В тюрьму?» – удивленно подумал Арк, но времени на вопросы не было.

– Я в порядке, Лу, правда. Это неожиданно, но я на самом деле нормально себя чувствую. Мы с Юджином... – Арк кивнул на мраморную голову у себя в руках, – отлично доберемся до кирхи своим ходом. Со мной уже ничего не случится.

– Спасибо, – Лу выглядела виноватой.

– Тебе спасибо, – Арк улыбнулся. – Вы меня спасли.

– Завтра поговорим, Арк, – Лу положила руку ему на плечо. – Иди, отдыхай. А пока возьми вот это, чтобы тебя пустили в кирху без проблем.

Она протянула ему гладкий белый шар. Он был чуть теплым на ощупь, и когда Арк взял его в руки, то ощутил какое-то знакомое, давно ушедшее чувство. Спустя несколько мгновений он понял: это была связь с кирхой, с потерянным домом.

Арк кивнул, сунул шар в карман и пошел к выходу.

Пшигода лежал без сознания, рядом с ним хлопотали люди в темной одежде под присмотром Пилар.

«Полицейские, надо же!.. – подумал Арк. – Это сколько же времени прошло с нашего маленького стартапа?» Арк обнял Пилар, кинул взгляд на спеленутую десятком сдерживающих заклинаний Доротею и впервые за полгода покинул музей Бодэ. В лицо ему непривычно ударил ветер. Стояла глубокая тихая ночь. Шпрее под мостом еле слышно колыхалась.

– Теперь куда? Отдыхать? – спросил Юджин.

– Я уже наотдыхался, – сказал Арк. – Мне нужно кое с кем поговорить.

До кирхи они добрались мирно; правда, Арк по непонятной для себя причине сделал крюк и обошел Александрплатц стороной. Некогда его любимое место в городе показалось ему пугающим, особенно сейчас, во мраке ночи, навевающим тяжелые воспоминания, пахнущим смертью и чем-то хуже.

На подходе к кирхе Арк обратил внимание на небольшой сквер, всего в пару деревьев, уютно притаившийся прямо у ее правой стены. Пройдя пару шагов внутрь, он увидел там несколько могил. «Здесь захоронены погибшие полицейские», – понял он. На одном из надгробий внезапно прочитал: «Аркадий Колесничий. Раньше, чем первые». Арк пока не осознал, что думает по этому поводу, и решил отложить этот вопрос на потом.

Белый шар обеспечил ему беспрепятственный проход в кирху. Поднявшись наверх, он с удивлением обнаружил, что его кабинет оказался не тронут. Поставив голову Юджина на стол, Арк огляделся. Полки слегка запылились, подоконник засижен мухами, и в целом комната больше была похожа на музей, чем на что-нибудь еще. Но это была единственная его ниточка в прошлое, и он уцепился за нее изо всех сил.

По коридору раздался цокот коготков, и в кабинет вбежал Карман. Кинувшись к хозяину, песик стал вилять хвостом и лизать ему руки. На глаза Арка навернулись слезы, пока он гладил собаку. Он очень соскучился, но было и что-то еще. Чуть хриплым голосом Арк произнес:

– Здравствуй, Нигош.